

Марина Винтерс

Максимилиан

Марина Винтерс Максимилиан

<https://litres.ru/74113978>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта поэма — реальная история любви, на фоне исторических бурь, войн и государственных перемен. Возвышенная любовь Максимилиана и Марии — двух сердец, соединённых не случайностью, а предначертанным им великим смыслом. Их счастье было недолгим, но светлым; их разлука — тяжёлой, но не сломившей любовь; их жизнь — служением стране, детям и друг другу. Через победы, скорбь и годы правления герой становится не только великим освободителем и мудрым государем, но и человеком, для которого любовь к ушедшей возлюбленной остаётся внутренним светом. Это повествование о том, как личная судьба может стать частью истории, а земное чувство — превратиться в вечное наследие. О любви, прошедшей через испытания судьбы, о долге, который оказался сильнее страха, и о памяти, что не меркнет даже перед лицом утраты.

Марина Винтерс

Максимилиан

Век грозный, век железной воли,
Над миром реял и гремел;
И в тишине державной боли
Никто покоя не имел.
То ль ветер звал к иной дороге,
То ль рок невидимый манил —
Но государства на пороге
Уже к решению склонял.
Неспешно, будто бы случайно,
Но с неизбежностью времён,
Он расставлял свои печати
На судьбах тронов и имён.
Где слабость — там она каралась;
Где сила — там росла нужда.
И то, что прежде лишь казалось,
Становилось веленьем дня.
Над миром тянутся туманы,
И в них теряются пути;
Но сердцу, полному обмана,
Не сразу истину найти.
Так в час тревожный, в час суровый,

Когда молчали даже залы,
Судьба готовила основу
Для новых уз и дней бывалых.
И то, что было миру скрыто,
Уже стояло у ворот;
И жизнь, как книга, не раскрыта,
Листала следующий год.

В краю, где с гор летучий хлад
Сметал листву с дубрав осенних,
Жил юный принц. Не для наград
Он рос среди забот смиренных.
Не шумный блеск родных палат,
Не пир, не роскошь, не веселье
Ему сулил отцовский град,
А долг, тревоги и стесненье.
Казна скудела. Старый дом
Стоял печален и непрочен.
И всё ясней казалось в нём,
Что век суров и путь их срочен.
Отец его, душой не злой,
Любил покой, совет и меру;
Но был для участи такой
Чрезмерно кроток, мягок, серо.
Он верил: можно мир сберечь
Одной уступкой осторожной;

Но век любил иную речь —
Короткий спор решался ножной.
Сосед теснил его рубеж,
Брал лес, и дань, и сёла силой;
И каждый новый день мятеж
Растил в стране усталой, хилой.
Вельможи спорили впотьмах,
Купцы роптали у амбаров,
И всякий видел в тех смутах
Не горе — случай для ударов.
А принц, ещё в молодые лета
Не знав ни славы, ни побед,
Уже постиг: опора света —
Не трон, а долг и тяжкий крест.
Он не о празднике мечтал,
Не о венце в лучах парадных;
Он только в мыслях всё искал,
Как защитить людей безвладных.
Но что он мог? Один. Без сил.
Без денег. Без дружин надёжных.
Он только молча сердцем жил
Среди предчувствий бездорожных.
И вот, в один ненастный день,
Когда темнее стали своды,
К отцу его явилась тень
Большой, расчётливой свободы.

Пришли послы из дальних стран
Не с лаской дружеской, не с миром:
Они несли ему союз,
Проверенный дворцом и клиром.
Не дар любви, не выбор двух
Сердец, сошедшихся случайно,
— Нет: брак, полезный для держав,
С его холодной, ясной тайной.
Узнав о воле старших сил,
Наследник вспыхнул и смутился.
Он понял: рок уже решил
То, с чем он в сердце не мирился.
Он не хотел такой союз,
Где всё рассчитано заранее,
Где вместо чувства — власть и уз,
А вместо счастья — послушанье.
Марию он тогда не знал. Что имя?
Звук. Что слух? Лишь вести.
Любовь не вспыхнет от похвал
И не родится в голой чести.
Он говорил: «Не для того
Я рос под тенью бед и горя,
Чтоб стать залогом для чужой
Нужды, решённой без разбора.
Пускай найдут иной исход,
Пускай и трудный, да прямее.

Я не из тех, кто в сердце лжёт,
Когда молчать уже стыднее».
Отец молчал. В его глазах
Была не строгость — утомленье.
Так в поздних, блекнувших лучах
Дрожит последнее терпенье.
Потом сказал он: «Верь, не я
Тебя толкаю к этой доле.
Но гибнет бедная земля,
И медлить нам нельзя уж боле.
Там, в Бургундии, есть оплот,
Есть имя, вес, и власть, и сила.
И этот брак, быть может, тот,
Что нас от гибели укрыло б.
Я шлю тебя не за почёт,
Не за блистательное счастье;
Но если край наш пропадёт,
К чему тогда наше участие?»
И принц стоял, потупя взор.
Он понял с горечью невольной:
Когда над домом дышит шторм,
Гордиться поздно и не вольно.
«Сын, — говорил отец, — мы живём в минуту,
Когда не может гордость быть права.
Ты молод. Ты достоин лучшей доли,
Чем этот дом, где ветер сквозь звенит.

Но я прошу не ради личной воли —
Ради земли, что нас ещё хранит».
И сын, глотая гордую досаду,
В ответ молчал. Потом, сдержав печаль,
Сказал: «Не мне судить твою награду
За слабость, что зовут тебе как даль.
Но отчего спасение державы
Всегда у нас обличье брака ждёт?
Неужто нет ни чести, ни отваги,
Лишь этот выгодный, холодный ход?»
Отец вздохнул. «Один я ничего не стою,
Когда сосед сильнее во сто крат.
Не меч решает часто всё святое —
А право, род, союз и старый взгляд.
Бургундия богата, горделива,
И там наследница — одна, и без щита.
Союз с ней даст нам время и возможность
Не пасть сейчас, не кануть в никуда».
При этих словах юный принц невольно
Открыл в душе непримиримый спор:
В нём честь и долг столкнулись своевольно,
Как два огня, взметнувшие костёр.
«Я не люблю, — он тихо произнёс,
— Когда судьбу диктуют мне советом.
Я не хочу, чтоб был мой первый мост
Построен на несбыточном обете.

Отец смотрел устало и сурово,
Как смотрят те, кому не выбрать путь.
«Сын, — молвил он, — в твоих речах есть слово,
Но нет страны, которая их ждёт.
Нам не до грёз. У нас не хватит силы
Отдать за идеал последний хлеб.
Пойми: тебя не продаю я миру,
Не отдаю в торгующую тьму.
Я лишь ищу для дома и для тыла
Ту дверь, что не откроют никому.
И если Мария станет нашей волей,
То, может быть, и мы ещё вздохнём.
Не всё решает нежность в трудном поле;
Порой спасенье выглядит как дом».
Так спорились два сердца в тесной зале —
Одно в уме, другое в седине.
И оба знали: выбора не стало
Ни в нём, ни в этой бедной стороне.
А за окном вечерний дождь по крышам
Стекал, как след не прожитых побед;
И принц подумал: «Если я не слышу
Своей мечты, услышу ли ответ?»
Его душила гордость, как верёвка,
Но долг стоял, не отступив ни на шаг.
И вот судьба, холодная, как ловкость,
Уже готовила ему свой мерный знак.

В те дни, когда рассвет был бледен,
Как сталь, не вылитая до конца,
Судьба к державе шла не по наследству —
А с шумом вражьего кольца.

Со всех сторон теснились тени близко,
Как волки к загнанной в снегу лани;
И каждый соседский герб был низок
До той поры, пока он не в тени войны.

Один сосед твердил о старом праве,
Другой — о выгоде, а третий — о долгах;
И все, как будто бы в одной державе,
Решили: слабый — значит, в их руках.

Границы гнулись. Переходы, замки,
Села и пашни — всё брали без труда.
Там, где вчера звенели только склянки,
Сегодня слышен был приказ: «Сюда!»

И бедный край, не знавший изобилья,
Смотрел на юг и запад с немотой:
Там собирались новые усилия,
А здесь хранили камень да покой.

Не было сил для долгого отпора,
Не было денег на большой ответ;
Казна была, как сумрачная нора,
Где даже эхо не хранит монет.

И если б воина послать на стены,

То чем кормить его в тревожный день?
И если бы собрать людей немедля —
На чём держалась бы их ратная тень?
Так, между страхом и бессильем тихим,
Жила страна, как дом без крепких дверей,
Где каждый шаг чужой казался лихом,
А каждый шорох — вестью от зверей.
Отец Максимилиана это видел
Не как в красивой летописи бед,
А в каждой трещине, в ночной обиде,
В пустых амбарах и в числе побед.
Он знал: война не ждёт благих решений,
Не понимает добрых слов в ответ.
И если промедлит хоть на мгновенье —
Страну не спасут ни печать, ни совет.
Тогда в совете, в зале тёмно-сводной,
Где свитки старые лежали на столе,
Он долго слушал голос осторожный
Тех, кто шептал о браке в стороне,
О том, что Бургундия — не просто имя,
А сила, золото, союз, защита, власть;
Что с Марией, герцогиней юной,
Ещё возможно не позволить пасть.
И он решился — не от жажды славы,
Не от мечты о династийных днях,
А потому, что видел: нет управы

На бедность, если враг уже в дверях.
Он вызвал сына. В комнате холодной
Сидели оба, как в тумане дня.
И голос отца, усталый и негромкий,
Стал тяжелей, чем лязг железа и огня.
«Сын мой, — сказал он, — край наш окружён,
И нет у нас ни времени, ни силы.
Пусть гордость будет позже, в лучший сон,
— Сейчас нам надо не краснеть, а жить бы.
Я долго верил: можно удержать
Землю одну лишь честью и законом.
Но мир жесток, и времени не ждать,
Когда тебя толкают к краю склонов.
Соседи рвут нас, как сукно на нити,
И каждый хочет взять себе кусок.
Нам нужно не мечом теперь — а выйти
К тому, кто может стать нам в помощь в срок».
И принц поднял глаза, ещё суровой,
Чем были окна в сумеречный час.
Он понял: то, что названо судьбою,
Сейчас войдёт в его судьбу как в нас.
«Ты вновь о браке?» — тихо, с тяжким гневом,
Он молвил, сдерживая боль в груди.
«Союз с чужой наследницей — не гнев ли
На сердце, что просили сохранить?
Я не хочу быть выкупом державы,

Я не хочу любить по приговору.

Мне чужд расчет, где чувства — только право,
А человек лишь знак в чужом разговоре».

Отец молчал. И в этом молчанье были
И стыд, и правда, и последняя черта.

Потом он встал — не царственно, а с силой
Усталого, но честного креста.

«Я понимаю гнев твой. Он достоин.

И я б желал, чтоб мир был мягче к нам.

Но если дом наш завтра будет отвоеван,
То разве выбирать ты вправе сам?

Бургундия — не прихоть и не роскошь.

Там герцогиня, Мария, юна,

И если наш союз не станет броским,

Он, может быть, спасёт нас от конца.

Я не прошу любви. Любовь не в силе

По мановенью встать на перепутье.

Но я прошу: не дай погибнуть миру,

Где вырос ты, и где хранятся люди».

Принц замолчал. Он видел: перед ним

Не хитрый политик, не холодный враг,

А человек, чья слабость стала нимбом,

И чьим позором был державный мрак.

«Значит, так надо?» — выдохнул он глухо.

«Так надо», — был ответ. И тишина

Легла меж ними, тяжкая, как мука,

Как перед бурей тёмная волна.
Тогда отец сказал: «Не торг, не сделка
Я предлагаю — выход из беды.
Но если хочешь знать, что будет в сделке,
— Там не любовь. Там время и труды.
Поедешь к ней. Увидишь. Станешь ближе.
Возможно, то, что спором не возьмёшь,
Тебя само, без просьбы и без книжек,
Когда-нибудь однажды и поймёт».
«А если нет?» — «Тогда хотя бы честно
Ты выполнишь свой долг перед страной».
И это слово, простое и железное,
Упало в сердце тяжестью земной.
Он понял: воля — хрупкая оправа,
А государство требует цепей.
И если он не станет частью брака —
Страна его распадётся в тот же день.
Так, скрепя сердце, принял он решение,
Что было горько, как незрелый плод:
Не по любви, не по благоволению,
А ради тех, кто завтра не умрёт.
Наутро были сборы, разговоры,
Печать, оружие, письма, список дат.
И тихо вился над дворцовым двором
Не плач — а тот особый, серый взгляд,
Которым провожают в путь не сына —

А часть надежды, отданной врагу
Не из вражды, а из глухой рутины,
Когда иначе просто не могу.
И принц, надев дорожный плащ суровый,
Понял внезапно, будто в первый раз:
Что жизнь — не только гордое «готово»,
Но и смирение в неурочный час.

Он ехал в мир, где счастье не сулило
Ни ласки, ни покоя, ни тепла;
Где всё, что до сих пор ему светило,
Теперь дорога ветреной была.
Покинув дом, он словно стал бездомным
Не в яви лишь — в душе, в самой крови;
И каждый стан, и каждый вечер тёмный
Ему казался вестником судьбы.
Дорога шла сквозь сырость, сквозь ненастье,
Сквозь лес, где стонет поздняя листва;
И в каждом небе мерещилось несчастье,
И в каждом шорохе жила молва.
Порою думал он: «К чему мне это?
Зачем меня ведут чужие дни
Туда, где я не знаю даже света,
Где мне готовят не союз — остроги?»
Но мысль о доме, о стране стесненной,
О людях, что остались за спиной,

Не давала ему права быть отменным
Для собственной печали неземной.
И всё же плоть — упрямая подруга —
Не вынесла тревог и перемен:
Под ветром, в сырости, в глухом испуге
Его настиг жестокий, жгучий плен.
Сначала — жар. Потом — озноб и бредни.
Потом уже не день, не ночь, не час:
Лишь тьма, где расплывались стены бледные,
И кто-то тихо называл «спасать».
Его везли. Но он уже не ведал
Ни колеи, ни дождевой зимы;
И жизнь его, как тонкая беседа,
Коснулась края собственной тьмы.
Он месяц пролежал почти при смерти,
Как будто мир хотел его вернуть
Не к браку, не к надежде, не к отметке,
А к пониманию: есть страшный путь.
В том хвором сне, где разум гас и метался,
Ему мерещилась страна отца;
И он в бреду то клялся, то сдавался,
То звал свободу — и не видел лица.
И часто так: когда душа в дороге
Упрямо ищет своего огня,
Судьба в ответ ей подставляет ноги,
Чтоб испытать не тело — глубину дня.

Лекари шепчут. Слуги ждут у двери.
Огонь в камине дышит, как живой.
И кажется: вот-вот вернётся время,
И вместе с ним — покой или покой иной.
Но нет. Он был на грани убыванья,
Как свечка, что дрожит перед концом;
И каждый новый вздох был оправданьем
Для тех, кто ждал его в краю чужом.
А где-то там, в Бургундии суровой,
Иной уже вершился тяжкий час —
Тот, что для Марии стал не словом,
А первым из неисцелимых «нас».

В тот год, когда над Мёзою туманной
Висел тяжёлый, неприветный свет,
Герцог Карл — гордец неукротимый,
Шёл в бой, где возврата людям нет.
Он верил в меч. Он верил в силу стали.
Он сам себе казался выше бед.
Ему не раз пророчества шептали
О том, что даже мощь не даст побед.
Но Карл, как часто властные натуры,
Смеялся над предчувствием врагов;
И век, не терпящий такой хмуры,
Уже готовил свой жестокий зов.
Последний поход был холоден и мрачен,

Как старый счёт, что требует уплаты.
И каждый шаг его был будто начат
Для гибели, не для победы ратной.
Он шёл вперёд — упрямо, непреклонно,
Среди снегов, болот и тишины;
И в этом было нечто от законной
Слепой, но величайшей вины.
Когда же час настал последней сечи,
Когда ряды рассыпались в пыли,
Герцог упал — и в ту же вечность
Его знамена тихо полегли.
Не сразу весть дошла до всех палат,
Не сразу смерть облеклась в достоверность;
Сначала был неверный, тёмный взгляд,
Потом — крушенье, скорбь и неизмерность.
И вот уже по залам и по башням
Пошёл тот шёпот, от которого
Гуляет страх не медленно, а страшно,
Как дым сквозь щели дома жилого.
Карл пал. И вместе с ним — не только сила,
Но целый мир державы, старый строй,
Где Марии наследство и светило
Теперь осталось с жгучею бедой.
Она ещё была почти девчонкой,
Но на неё легли земля и власть.
И в этом было нечто от тропинки,

По коей трудно в юность не упасть.
Вельможи сразу сменили выраженья:
Кто плакал — слишком громко, напоказ;
Кто клялся в верности — уже с сомненьем
Смотрел, как делится надвое час.
Французский двор не медлил ни мгновенья.
Там, где ослабла рука властелина,
Слова о праве, и о возмещеньи
Звучали, как стальная паутина.
«Вассал должен склониться перед силой», —
Шептали одни; другие — «Поторгуем».
И вот над Бургундией, светлой, милой,
Пошла политика с лицом чужим и злобным.
Требования росли, как в мрачной сказке,
И каждый день приносил новый страх:
То спор о землях, то условия, то подсказки,
Как Марии держаться в их руках.
А при дворе — не лучше: там улыбки
Становились острее, чем клинок;
Там старшие советники, как рыбки
В мутной воде, ловили каждый срок.
Одни твердили: «Надо уступить,
Покуда Франция не взяла всего».
Другие — «Надо гордостью закрыть
Последний след наследства своего».
И Мария, одна среди величья,

Среди чинов, печатей и знамён,
Поняла: на троне нет приличья,
Есть только страх, расчёт и тяжкий сон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.